

С М И Е Ш И А

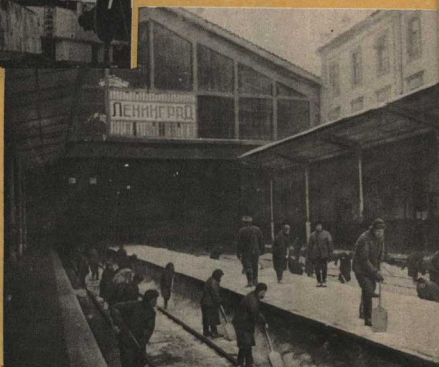
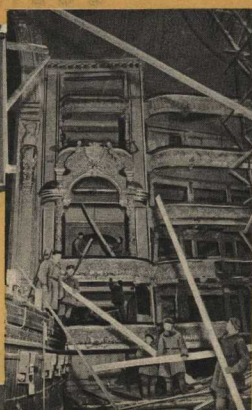
7-8
1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«СМЕНА»
РАССКАЗЫВАЕТ

Фото С. Струнникова

ГОРОД НА НЕВЕ

После долгих тяжелых месяцев блокады великий город на Неве расправляет мускулы плеч. Быстро заживают раны, нанесенные авиационными бомбардировками и артиллерийскими обстрелами.

Весна пришла в Ленинград в окружении своих небрежных спутников — жаров, пшугунов, дроздовиков. Все Ленинградцы, охраняющие Ленинград в дни блокады, сейчас своими руками восстанавливают родной город. Они посвящают свободные часы тому, чтобы вернуть городу Ленина его прежнюю красоту.

На восстановительные ленинградские рабочие расчищают от обломков вокзальные пути (снизу слева, сверху).

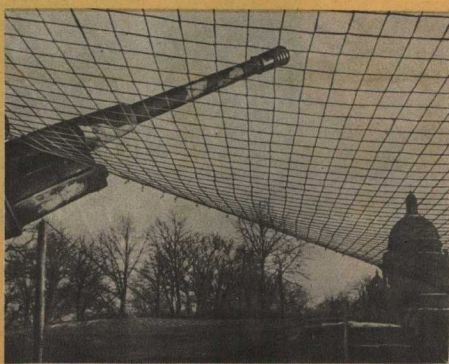
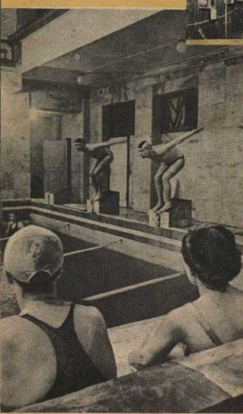
В течение зимы Кировка, пострадавшая от обстрела, полным ходом идет восстановительные работы (снизу слева).

Качались дни тяжелой блокады. Как и раньше, город жила большой жизнью. Афишные стенды сообщают о многоотраслевых выставках и концертах.

В водном бассейне готовятся к летним соревнованиям лучшие пловцы (снизу вверху, слева).

Враг отброшен от Ленинграда. Но героизма подвизаму на страже. Проплеза, сражающийся за Ленинград, увлечен бойцов на фронт (снизу сверху, слева).

Мощные зенитные орудия в любую минуту готовы встретить врага (снизу вверху, справа).

С М И Е Ш И А

№ 7—8
Апрель
1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Сергей Васильев

И ливень солнца,
в одно мгновение
заполнивший светом мой окоп,
и мягкого ветра прикосновение,
хмельного и крепкого, как вино,
и раек,
унесшие по течению
разбитый солнцем недавний лёд,
и вёдомый только по сердцебиенью,
лающий за облаком самолёт
(счастливым час твою маршруту!),
и сад,
одетый в прозрачный дым,

готовый вспыхнуть сною минуту
зелёным пламенем молодым,
и бой часов
на кремлёвской башне,
и дружных салютов
весенний гром,
и дальний,
сегодняшний и вчерашний,
идущий к западу напролом,
железный шаг
наших армий русских,
и шелест знамён,
и орундий рёв,

и гусениц лязг на дорогах узких,
и цокот весёлых, стальных подков,
и трали жаворонка в поднебесьи,
особенно радостны с утра,
и близкой нашей победы песни,
и русское,
огненное «ура!»,
и красок
и звуков столпотворенье,
и говор скворцов,
и граничный край,
и это тёплое стихотворенье
тебя приветствуют, месяц май!

★

САЛЮТ

Март Рауд

Откроет очи и сердца,
Оно, калитку сада...
Салют сверкает над Москвой
Гудящим листопадом.
Какою гордостью полны
Солдаты в ту минуту,
На их ни мощный стук сердец
Гремит в стрельбе салюта,
Солдатам слеза. Прут пройден.

Салют в столице снова.
Как долетает далеко
То огненное слово!
К победе шли за шагом шаг,
И близок бой последний,
Салютов молнии тогда
Блеснут ещё победней.
Салюта отблески в степях
Горят ружьями зорькой,

Омыт их светом лес Карпат,
Карельские пригорки,
И плетница деревень,
Паль горючих развалин,
И Паийус отражает свет,
И радуется Таллин.

Перевод с эстонского
Надежды Беллинови

Рисунки Г. Балашова

Григорий Куропятников

Человек и его долг иной раз так породнятся, что представить их порознь просто-напросто невозможно, будто человек появился на свет вместе со своим делом. Это чувство нераздельности, слитности с делом всегда было особенно сильно у моряков. Тут можно сказать, не всегда и поймешь, кто кого породил: корабль — моряка или моряк — свой корабль? И когда гибнет корабль, моряк до конца своей жизни помнит его, как потерявшую любовь, а погибни моряк — и корабль, вернет его имя, его повадки, его подвиги в своей металлической теле запасом добавочной прочности и уже никогда, ни за что не расстанется с ним.

Так пришло и мне, рассказывая о черноморском моряке, Герое Советского Союза Григории Куропятникове, начать с его корабля.

«Морской охотник» 065 начал войну с фашистами в 7 часов 53 минуты 22 июня 1941 года, открыв огонь по румынскому пикету и через пять минут уничтожив его. Эта короткая схватка была первой на Черном море. Она положила начало новой

жизни для всего экипажа, той неожиданной жизни, которая называется войной и которая быстро изменила всех на своей лад.

С тех пор как прозвучал первый выстрел, летелись боевых дел маельного суденышка, даже в сухом изложении корабельного журнала, давно уже широкое и увлекательное произведение, которым по праву гордятся Черноморский флот.

Боевая история сторожевого катера 065 — это часть героической обороны Одессы и Севастополя, страстичка борьбы за Корчешский полуостров, глава из жестокой повести о штурмах Новороссийска.

На Дунае в первую схватку осколком неприятельского снаряда порывало флаг, и флаг корабля ушел. Тогда сигнальщик Василий Потапов, рискуя жизнью, поднял на рею простреленное полотнище.

— Правильно! — сказал командир катера, хотя, погибши в тот час Потапов, ему было бы безмерно тяжело.

— Это было правильно потому, что сразу намечало путь, по которому должен идти экипаж «СК-065», — путь гордой защиты своего флага, своей чести.

Когда старшина Степан Скляр командир носового орудия, спокойно стоит под жестоким обстрелом, друзья кричат ему: «Нагибись!» — а он с удивлением переспрашивает: «А зачем это? Нагибаться?».

Так сражались отважные моряки кате-

ра 065. На нем рос и воспитывался старшина 2-й статьи, бывший кохарь Кировоградского машиностроительного завода Григорий Куропятников.

Сто семидеять раз конвоировала катер транспорты с вооружением и резервами, сбила 3 и подбила 6 самолетов противника, перобрасывала на себе десантные войска, 140 суток провела в боевых дозорах, много раз выходила на поиски и бомбежку вражеских подводных лодок, высаживала разведчиков в тыл врага и оказывала помощь нашим кораблям и самолетам, потерпевшим аварию.

Сторожевому катеру 065 было присвоено звание гвардейского, и весь экипаж его награжден орденами и медалями.

Однажды в штурмовую веснушню ночь катер конвоировала транспорт с ценнейшим военным грузом. Рейс был опасный. Вечью ночь «охотник» кружил вокруг транспорта, всю ночь экипаж ни на секунду не сомкнул глаз. Мокрые «до дня души», измученные и голодные моряки настороженно ожидали неизбежной встречи с врагом.

Он появился на рассвете. Два вражеских катера мелькнули на горизонте, готовые к атаке из транспорта, но «морской охотник» прервал их. А в половине седьмого утра краснофлотец Максимов доложил о показавшемся «юнкере». Однако отогнали и его.

— А схватка будет горячая, — сказал командир. — Сейчас он всех своих прищипит...

И действительно, вскоре показалоcь еще двое двух десятков бомбардировщиков «Ю-87». Они шли со стороны солнца прямо на катер, оставши пока что в покое транспорт.

Четыре «Ю-87» стали пикировать первыми. Смерть загрозила вокруг «СК-065». Катер сражался, будто бы он был не маленьким суденышком, а линкором, сражался с беззаветной отвагой.

Командир катера Иван Перезюнок, первым из черноморских моряков давший залп по врагам 22 июня 1941 года у Новой Килии, был в упор по самолетам. Все, кто не были заняты управлением кораблем, стали у орудий и пулеметов.

Обита одна атака. Обита вторая.

Но дорого обошлись они экипажу, Погиб Перезюнок. Ранен заменивший его лейтенант Мозлер. Убит наводчик из пулеметного расчета Куропятников.

Бомбардировщики решили, очевидно, деконать катер во что бы то ни стало. Атаки следовали одна за другой почти без пауз. И тут произошло то, что принесло бессмертную славу старшине Григорию Куропятникову.

Осколком пулеметчика Куропятникову оторвало левую руку. Сабельный ос полетел крови моряк продолжала стрелять одной правой. Новый осколок рассек ему лоб...

На палубе катера бушевал огонь: загорались дымовые шашки. Ассавшие пладом с глубинными бомбами. Казалось, что сей-

Куропятников попытается сбросить шашки за борт.

еще всё будет кончено, что с минуты на минуту катер облетит на воздух со всем своим экипажем, что он погибнет несмотря на боеспособные умения команды.

Куропятников находился ближе всех к огню. И си ползал к очагу пожара. Он плохо видел, кровь, стекая со лба, заедала глаза, и он не мог протереть их. Но Куропятников был в полном расуде и действовал сознательно.

Остановившись рукой он попытался сбросить шапку за борт, но не смог: она была пригнута лавной по-штурмовому. Тогда он порезал нейлоном зубами и, облизавший огнём, замахнулся в дым, стал сбрасывать шапку за борт.

Между тем бой ещё шёл, и в его пугающей — боя — Куропятников — чувствовалась нужда Схватка с огнём перебралась в Куропятников по ту сторону человеческого выносливости, и, опустив, что он в состоянии пережить любое сверхчеловеческое напряжение, он вернулся к пулемёту и открыл огонь по немцам.

Вид его был страшен. В оравленном лице не осталось ни одной из тех, всем хорошо известных черт, которыми запомнилось оно — простое, милое, ласковое, с веселыми, всегда смеющимися губами и глазами. Он был похож на человека, который сражался и после смерти. Смерть была теперь невластна над ним. Он оставил её позади себя.

А бой всё длился. Копна этой схватки, казалось, никогда и не будет. Куропятников, у которого кончились патроны, пополнил за новыми дисками.

И вдруг наступила тишина. Она была похожа на тишину гибели. Все поднял голову вверх. Что это? Немцы самонадеянно ушли за горизонт! Сначала никто не поверил, что бой закончен, а потом закричал «ура» и вскинул безосмысленно в воздух...

Куропятников лежал, уткнувшись лицом в палубу, и, хотя ничего не видел, то же слабо кричал «ура», едва улабясь пошевелившими губами.

Когда, уже по прибытии в порт, Григорий Куропятников отправил в госпиталь, он слышал:

— С одной рукой приехали обратно на катер!

— Прием! Возвращаясь скорей!

И он вернулся. Герой старшина 1-й статьи Григорий Советского Союза Григорий Куропятников негодил от своего корабля...

...Пройдут годы, другое поколение моряков придет на славное судношко. Но имя героя никогда не забудется. Оно золотыми буквами увековечено в истории катера и будет вечно славы сиять и звать на подвиги новые смены черноморцев. Уста та нет старости, у подвига не бывает смерти.

Казачёнок

Когда весной прошлого года наши войска освободили от немцев станцию Нововеличковскую на Кубани и был создан широкий фронт жителей, среди прочих организаторов выступила семидесятилетняя Николай Примак.

Он оставался в станице при немцах, потому что лежал в бронном тифу и не мог уйти вместе с армией. Шесть месяцев был уходом за это время такой ненависти и фашизма, как у рыцаря даже не мог предположить к себе.

Так можно ненавидеть шакала — животное трусливое и вместе с тем кровожадное, какальное и в то же время неистовое — за шесть месяцев Николай Примак пригласился к немцам поваром и теперь, на митинге, громко заявил о том, что не потерял даром полгода:

Он привёл двух совершенно чужих, здоровых немцев.

— Я теперь так знаю немца, как он себя не знает.

Спусти несколько дней Николай покинул станицу добровольцев Красной Армии. Его привели в некую часть и назначили прамётчиком, как он и просил.

Скоро слова о прамётчике Николае Примаке разнеслись по фронту, он был представлен к ордену.

Превосходно разбираясь в немецких порядках и зная местность, Примак оказался кроме того бесстрашным разведчиком. Но его гораздо больше привлекало призвание снайпер-пулемётчика. По личным подсчетам Николай, он в Первую войну истребил три сотни немцев. В чине он преобрелся в глубину немецкого расположения и уничтожил в огневых точках, порвал провода связи, взорвал мост и привёл двух пленных.

И это было, между прочим, единственное дело, потому что не этого Примак ни разу не брал немцев в плен.

— Я не могу видеть живого немца, — говорил он. — У меня от них голова горит...

А теперь он привёл двух совершенно чужих, здоровых немцев. Секрет скоро раскрылся: Примак рассчитывал получить от пленных немцы сведения, которые хотел использовать в первом же деле.

Показания немцев и в самом деле оказались интересными, что позволяло определенно и с нашей стороны ко-чуще тоже весьма интересное и значительное. Ну что было только проверить эти показания разведкой, причём проверить молниеносно.

— Нашего казачёнка послать вперед, — сказал полковник. — У него особая нух на немца.

Полковник ласково называ Примак казачёнок. Но товарищи уже давно величали его Николаем Алексеевичем, хотя он и был самым младшим в роту.

В ту ночь сильная разведывательная группа просочилась в немецкую оборону. Николай Примак двигался с одной из первых штурмовых групп. Лопата, ножик, несколько мотков верёвок, шесть штук гранат, телогрей и ручной пулемёт с пятью дисками составляли его вооружение.

Он мог вести бой в любой обстановке: на земле, или вскарабкавшись на дерево, или прорубив себе амбразуру в стене хаты, или, наконец, устроившись на спине танка.

В течение двух часов разведчики проверили важнейшую часть показаний пленных. Взглянув сигнальные ракеты, Рота подскочила на штурм немецкого оборонительного участка. Примак со своей штурмовой группой в это время был далеко вперед. Выполнив задание по разведке, его группа встречала подбегающие взводы и выжидала их на направлении главного удара, превратительно уничтожая встречающиеся на пути препятствия.

Сам Примак заставил замолчать три взвода, побив броневик, расклевал двух взводов немцев, когда немецкая мина оторвала ему обе ступни.

Он потерял сознание, а придя в себя, снова полпол вперед. Был продолжался и лежать в стороне от дела для него было невыносимо.

Он полз, опираясь одеревеневшими коленями о землю.

Товарищи его звали вперед, товарищи.

Он отвечал:
— Полу, полу!
— Да чего ползи, вставай! Неопасно!
— Знаю, — отвечал он. — Мне так неудобно...

Друзья не узнавали Николая Примак. Куда делась его стремительность, его отвага?

— Ты что, с ума сошёл?
Примак не ответил...

О том, что Николай был тяжело ранен и сражался ещё четыре часа, узнали лишь утром, когда продавали землю его тело.

...С того дня и навек имя его неотделимо от родного поля. На утренней и вечерней поверке провозглашались в ответ на воцал: «Примак Николай!» — провозглашал: «Почти во славу советского оружия в борьбе с фашизмом!»

ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА В КОМОСОЛ

Недавно состоялся XII пленум Центрального комитета ВЛКСМ. Пленум, проведенный впервые за время войны, определял новые ответственные и сложные задачи, стоящие перед комсомолом.

На пленуме была подвергнута глубокому анализу деятельность комсомола в период Великой Отечественной войны, определены положения, которые помогут комсомольским организациям ещё больше укрепить связь с массами молодежи, ещё выше поднять свою роль боевых помощников большевистской партии.

Пленумом обсужден первый вопрос «О мерах по улучшению работы комсомола в школе». Это и понятно. Воспитание подрастающего поколения — прямой долг комсомола в его главная задача.

В Великой Отечественной войне на всей глубине проявились сильные стороны воспитания нашей молодежи. Советские юноши и девушки мужественно сражались с немцами захватчиками на фронте и самоотверженно работали в тылу. Трудности военного времени не ослабили, а усилили, закаляли боевой дух молодых патриотов. В это немыслимо тяжелое время, которая под руководством партии и правительства помогала воспитывать подлинно героическое молодое поколение защитников нашего Отечества.

Советская школа в трудное, военное время плодотворно работает над воспитанием молодежи. За последнее время в жизни школы произошли значительные изменения. Постановлением правительства введено раздельное обучение мальчиков и девочек. Усложнена обязательная военно-физкультурная подготовка учащихся. Усилено внимание к трудовому воспитанию детей. С начала нынешнего учебного года во всех школах введены единые «Правила для учащихся», которые представляют собой суть основных требований, предъявляемых к учащимся в школах. Введена пятибалльная система оценки успеваемости и поведения. Все эти нововведения улучшат постановку образования и воспитания подрастающего поколения.

Наша родина — страна высокой, передовой техники. Умножать её богатства и мощь, защищать её — по силам только умелым, знающим, культурным людям. Дети, сидящие сегодня в классах, — это подрастающее поколение строителей и воинов, которому в будущем будут вручены наше народное хозяйство, слава нашего Отечества, судьбы социализма. Это поколение — надежда и будущее родины. Мы должны укреплять в подрастающей молодежи сознание высочайшего гражданского долга перед своим великим народом, стремление никогда не останавливаться на достигнутом, никогда не отставать впереди трудностями, быть готовым защищать свою родину до последней капли крови.

Воспитывать в нашей молодежи эти благородные устремления должна школа. Это задача государственного значения, в решении которой комсомол призван играть огромную роль.

Учитель в школе непосредственно руководит обучением и воспитанием молодежи. От него зависит успех обучения. Учителя этой задачи должны помнить, что главной обязанностью школьных комсомольских организаций надо считать «помощь учителя в его учебно-воспитательной работе, в воспитании школьниками сознательными, дисциплинированными,

восторженными развитыми гражданами, готовыми пойти на любые трудности и испытания, выполнять любую работу, необходимую для Родины».

У нас в школах ещё не мало таких комсомольских комитетов, которые работают и озабочены, но учителя и родители с одной стороны от основных задач, решаемых школой. Часто строгая требовательность комсомольской организации к комсомольцам-школьникам подменяется вредной опекой над отстающими в учёбе, «вытлаживанием» их с помощью успевающих. А сколько ещё встречается случаев безразличного, непринятого вмешательства в работу преподавателей и даже критики их!

В своей деятельности многие школьные комсомолы не только организации нередко забывают о самом главном. Забывшие в скорую, эти комсомольские организации работают по шаблону, но живут интересами всех учащихся, не знают их запросов.

Комсомолец призван быть первым помощником учителя. В педагоге, представителе государственных школ, комсомольцы должны видеть своего лучшего советника, они обязаны повышать его авторитет, поддерживая каждое предельное им предложение, удерживая порядок и дисциплину. Учащаясь на комсомольском собрании — желанный гость и участник в разрешении обсуждаемых вопросов. При разборе заявления ученика о приеме в комсомол слово учителя — верное слово. План работы комсомольской организации будет даваться от жизни школы, если он не согласован с директором и не включен как составная часть в единый учебно-воспитательный общешкольный план.

По решению пленума, комсомольцами учащимися должны участвовать в организационной и разнообразной воспитательной работе. Быть организаторами живой и содержательной самостоятельности учащихся — их прямая обязанность. Они должны помогать педагогам в военно-физическом воспитании учащихся, в военной пропаганде. Легионы и Беседы о славных победах Красной Армии, встречи с героями Отечественной войны, переписка с фронтом — всё это должно быть исполнением комсомольцами для воспитания учащейся молодежи в духе патриотизма.

Большую помощь комсомольцами могут и должны оказывать учителя в развитии и развитии знаний, любви к книге. Книги — могучее средство формирования мировоззрения молодежи. Книжки — острое оружие в борьбе за победу. Наша задача — привить учащимся любовь к чтению, тот «радостный энтузиазм» по отношению к книге, о котором вспоминали и горько говорил А. М. Горький. С помощью учителя нужно пропагандировать лучшие книги и организовать внеклассное чтение, проводить диспуты и обсуждения прочитанных произведений, литературные вечера, встречи с писателями, организовать увлекательную кружковую работу.

XII пленум ЦК ВЛКСМ намечает широкую программу деятельности комсомольских организаций. В его решениях говорится о необходимости повернуть весь комсомол и вопросы школы, с делами воспитания подрастающего поколения. Пленум объявил все комсомольские организации и их руководителей всю свою работу направить по помощи органам народного обра-

зования, директорам школ и учительскими коллективами в деле воспитания учащихся. Осуществления обязательного всеобщего обучения, ликвидации безграмотности, сокращения школьных зданий, изготовления наглядных пособий, пополнение библиотек и многие другие нужды школы должны стать предметом постоянной заботы комсомола, его кровным делом.

Издание детской литературы комсомолом всегда удавалось много. Однако надо ещё больше работать над созданием новых хороших книг для юношества, для детей и о детях. К этой работе комсомольские организации должны привлечь писательскую общественность, местные литературные силы во всех республиках и областях. Нам нужно значительно улучшить содержание детских журналов и газет. Для этого педагогика печать должна отвечать требованиям сегодняшней обстановки и тем существенным изменениям, которые произошли в жизни нашей школы.

Работа комсомола среди школьной молодежи имеет первостепенное значение. Вести работу среди школы необходимо, энергично, научно — к этому призвал пленум все организации нашего союза, всех комсомольцев.

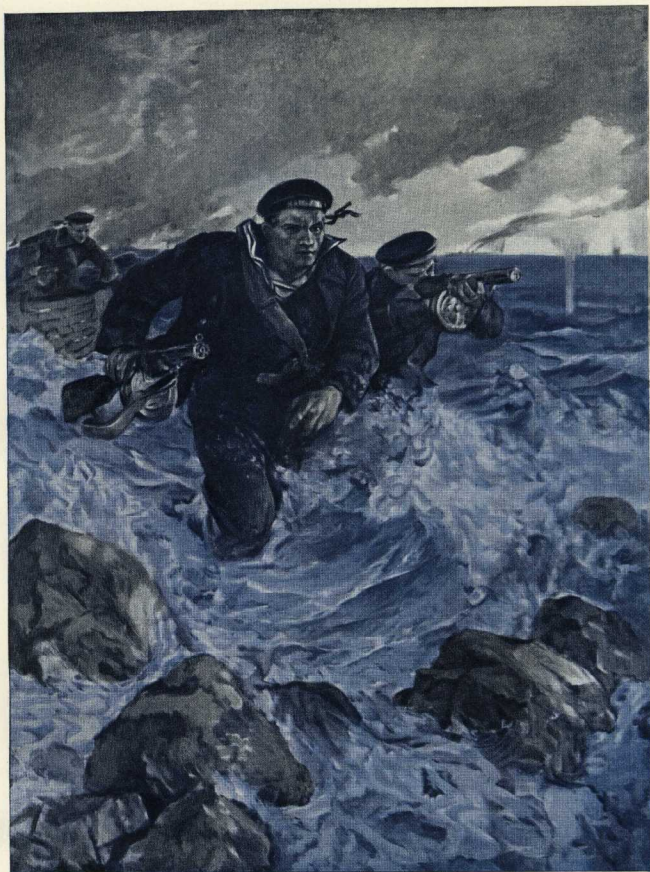
XII пленум ЦК ВЛКСМ подверг всестороннему обсуждению работу сельских комсомольских организаций. В решении по этому вопросу комсомол отметил, что главной задачей комсомола в деревне является мобилизация всех сил колхозной молодежи на выполнение государственного плана сельскохозяйственных работ 1941 года, на борьбу за получение высокого социалистического земледелия, за обеспечение фронта и страны продовольствием, а промышленности — сырьём.

Для успешного разрешения этой главной задачи пленум намечает ряд мер, выполнение которых организационно укрепит первичные комсомольские организации в деревне и усилит участие комсомола в хозяйственной деятельности колхозов, совхозов и МТС.

Серьёзное внимание пленум уделяет работе комсомольских организаций МТС. Машинно-тракторные станции должны обеспечить высокую урожайность наших полей, поэтому комсомольские организации МТС обязаны повысить свою роль, как боевых рывков сельской молодежи. Пленум призвал комсомольские организации всемерно поддерживать инициативу по созданию молодежных звеньев высокого урожая, развивать это движение.

Пленум подчеркнул, что для успешного разрешения задач комсомола в деревне необходимо повысить образцово улучшить всю политико-воспитательную и культурно-массовую работу среди колхозной молодежи.

Решения XII пленума ЦК ВЛКСМ определяют важнейшие задачи комсомола, широко и деловито обсуждались на собраниях актива и первичных комсомольских организаций. Ясно, что для успеха дела необходимо, чтобы каждый комсомолец знал решения пленума и глубоко понимал их существо. Нужно организовать политическое и культурное воспитание, сделать их боевым руководством к действию для всех комсомольских организаций, для каждого комсомольца.

«Балтийский десант»

Картина художника В. СЕРОВА.

ОПАЛЕННЫЙ КОНВЕРТ

(Из фронтového блокнота)

Рис. Л. Бродаты

1

Вчера получила я письмо, которого давно ждала. Небольшой голубенький конвертик с неровными бугорками, написанными запиской рукой. Две круглые темные, расплывшиеся цифрами. Конверт не фабричный: его сделали те же знакомые руки, аккуратно склеив из листа, вырванного из моей старшей домашней тетради.

Письмо шло долго. Когда я получила его, то никак не рассчитывала на! Всё в нём, впрочем, сильно устарело. Я стал разбирать цифры на штемпелях, присматриваться к конверту. Был он грязен и помят, а в углу в довершение всего ещё и сожжен. «Что за черт! — подумала я. — Мало того, что доставил письмо с опозданием, так ещё и изуродовал!»

Эта опалена в уголке особенно меня разозлила. Испытывала его огнём, что ли? Я решила сойти к ямщику почту, пожаловаться начальнику.

Когда я вошла в палатку полевой почты и прозвонил первые слова возмущения, начальник обеспокоено взглянул на меня и попросил показать записочное письмо. Я протянула ему голубой конверт. Он осмотрел его и грустно прозвонил, обращаясь к своим сотрудникам:

— Это из той почты...

Сотрудники, казалось, сразу всё поняли. Я тоже уловил в тоне его слов нечто такое, что заставило меня на миг покачаться о своём приходе.

— Письмо — это ведь тоже воин... — обратился ко мне начальник. — Оно несёт вам облегчение и радость, чувство родины и родной семьи, как неёб и казая солдат в нашей армии... Но, как и солдат, так и письмо прокладывает себе путь через пространства с трудом, с боем...

Мне стало неловко. Простые слова эти объяснили мне многое, от чего я, да по правде говоря, и все мы, часто стараемся высокомерно отмахнуться. В это мгновение и почему-то вспомнилась о нашем поваре. Мы часто несправедливо называли его тёмной крысой. А ведь он подвозит к нам еду по прирельсовой дороге! Доставляло и почталюно, хотя для того, чтобы добраться в подразделение с письмом, ему каждый день приходится встречаться лицом к лицу со смертью.

Я уже хотел было уходить, но начальник взял меня за локоть и повёл к своему стоику. Вот что он мне рассказал.

2

...Почта не приходила день, другой, третий. Бесконечные запросы по прямому адресу ни к чему не привели. Железнодорожники объясняли дело просто: вагон затерялся в массе составов, шедших к фронту, а может быть, погиб во время бомбёжки.

Но объяснение пропало и оправдало его. Ведь письмо этой раб может заменить вагон, в то время когда каждая обояма не в силах заменить долгожданного письма. Нужно было во что бы то ни стало разыскать вагон с письмами и доставить, каждое из них по назначению. Сделать это вызвался замполит начальника военно-полевого сортировочного пункта Виктор Славин. Он взял с собой красноармейцев и отправился на поиски.

Разыскать одинокого вагон, затерявшийся из одной из прожорочных железнодорожных станций, среди множества эшпагонов, нелегко. Вагон, как и конверт,

Рядом загорелась цистерна.

имеет свой адрес, свой номер, и Славин проверил сотни вагонов на каждой станции, начиная с конечной.

Наконец на глухой станции удалось обнаружить вагон с письмами: он находился в составе рядом со снарядами и бензином. О том, чтобы отыскать и продролить вагон самостоятельно, не могло быть и речи: не менее важные грузы стояли у semaфоров и ждали очереди. Славин решил перегрузить почту на автомашину, являясь доставить письма врасплох немцам.

Он полел в громадный цельнометаллический вагон и, чуть отодвинув тяжёлую дверь, стал выбрасывать из неё токи и пакки. Товарищи подхватывали их налету и быстро укладывали в кузова грузовиков. Скоро первая машина была наполнена и отправлена.

Уже заканчивался погрузка второго автомашина, когда тревожные гудки парозовозов или приближения вражеских самолётов. День был ясный, воздух чист и прозрачен. С колебавшимся воём многочисленных крышек точки приближались ступенчато, быстро увеличиваясь. Люди, ступившие на перроне, выдали, как нещучку эскадрилью встретили белые шары зенитных разрывов, но самолёт всё

приближался. Славин со своими бойцами остался у вагона. Он хотел спасти ещё несколько токов, ещё несколько тысяч тревожных писем-стучек.

Когда машина отвалила от железного покатого вагона, самолёт был уже над станцией. Они описали над ней полукруг и с тяжёлым воём выпалили бомбы на землю.

— Закройте двери! — крикнул Славину кто-то сзади.

Он взглянул на неё. Желёбо было дасто, от осколков могло спастись. Но закрывать наглухо он не решился.

Сквозь узкий просвет он мог просовывать мелкие пакеты и посылочки. Он приврал их вниз, подальше от вагона, в яму, в которой спрятались его бойцы, не жалывая уходить далеко в поле.

Спусти несколько минут почти рялом загорелась цистерна. Гигантские пламя быстро охватило соседние вагоны. Посыпавшиеся взрывы: это загорелись боеприпасы. Славин выглянул в щель и увидел, что уже и вод почтовым вагоном горят промасленные пакеты. В это время раздался новый взрыв, и всё кругом заволокло чёрным удушливым дымом.

Славин крикнул, пытаясь продолжить разговор, но через мгновение, когда дым немного рассеялся, он увидел, что они неподвижно лежат под насыпью. И Славин почувствовал угрызение за то, что в это страшное мгновение неходился в железный вагон, который пока что его защищал.

Огонь распространялся всё дальше и дальше. С ожесточением набросался Славин на почтовые токи: надо было их спасти как можно скорее. Теперь их приходило перебросить через довольно широкую полосу пламени. Сквозь узкую щель в двери сделать это было невозможно. Он ухватился обеими руками за железную рукоятку, пытаясь расшатать дверь, тут же отскочил: железная дверь была раскалена и сильно обожгла ему руки. Славин нажал на неё пальцем, но дверь не поддавалась. В вагоне стало страшно душно. Тогда он попробовал пролезть сквозь узкую щель налету, чтобы спастись самому, но тело не проходило, а от прикосновения к железу одежда начала лопнуть. Он вылез на дверь ещё и ещё раз, но тщетно. Он понял, что погиб. Из этой лопушки было невозможно выйти.

Вагон раскалёлся всё сильнее и сильнее. Славин спешил, ему хотелось в эти последние минуты сделать как можно больше. Он отёр с лица катившиеся грабли, снова начал бросать пакеты сквозь узкий просвет в двери, стараясь попасть в яму под насыпью. О себе он уже больше не думал...

3

Начальник полевой почты окончил раскормку опаленного вагона. Теперь я знал его происхождение, и мной овладела жгучий стыд.

— Вы не читали ещё своего письма? — спросил вдруг мой собеседник. — Прочтите. Я почему-то уверен, что такой дорогой ценной посылочкой только радость.

— Некоторые время я смел неподвижно, стараясь выжить в смысле его слов, потом быстро распахнул письмо.

Да, оно было радостным, и оказалось, ничуть не опоздало. Каждое слово в нём было мне дороже, как жизнь.

В освобождённой Одессе. Частый флаг вновь реет над зданием Оперного театра имени Луначарского. Фото С. Гурарий

Евг. Кригер

Чёрное море

Рано утром мы вылетели из Москвы. За городом ещё лежал свежий, очень белый и пыльный снег, совершенно декабрьский в апреле. Мы летели на взбомбоужке устаревшего американского «вуальки», который у нас использовался теперь только для связи, было очень тесно; сидели мы на толстом запяском колесе, с которого поминуту скапывали, штурман часто постукивал ногой-нибурд из нас по спине, проска передатчик пилоту записку с очередной радиодиаграммой, это были все наши обязанности во время полёта, и у нас с моим штурманом было много времени, чтобы подумать, куда же нам лететь дальше от места первой посадки. Мы могли избрать путь к Тарнополь, тогда осаждённому нашими войсками, или в Молдавию, или в Румынию, куда тоже вступили наши войска, или на границу с Чехословакией, куда вышли наши войска, или в Одессу.

Естав ногами на колесе, мы могли дотопиться до окошечка фонаря, заглянувшему бомболюк и кабину пилота, и увидеть землю, которую поминим с лета, осеня и зима, когда немцы отбили у Курской дуги и наши войска пошли на Орёл и на Белгород, и дальше, на Харьков, и за шесть дней отбранили у немцев Донбасс, и немцам казалось, что Красная Армия остановилась на Днепре. Она не остановилась и заняла Киев и той скорою, и немцы думали, что Красную Армию остановит мокрая зима бездорожья, но советские бойцы ворвались в Житомир, Бердичев, и Ровно и в Луцк, и немцы были совершенно уверены, что в реальных войнах даже Красная Армия не сможет проломить наступления, но Красная Армия перешла через Буг, через Днестр, через Прут. В апреле 1944 года самолёт спокойно лета над этой землёй, на которую страшно было смотреть — так изрешачена она швами траншеи и ходов сообщения, изрыта воронками, — во которой наши солдаты все три времени года идут наступлением, и теперь они видят синие горы Карпат.

И сейчас в самолёте мы миди на коллежную карту западных наших границ, не

зная, куда же лететь в первую очередь, чтобы поспеть за наступающими войсками.

Начиная за оравосиенными землями снега внизу уже не было, и глаза реза нестерпимый блеск разлившихся речек, и были видны угли, прямые, иногда зигзагообразные ручьи, не нанесённые на карту, и мы догадывали, что это затопленные талой водой траншеи зимних боёв.

Самолёт слева вырвал и опустился на посадку аэродроме.

— Сегодня злата Одесса! — сказали нам местные лётчики.

И сразу Волошин, наш московский пилот, взмолилась, чтобы разрешена его «вуалька» вылететь в Одессу. Он клался, что посадит свою машину куда угодно, хотя бы на крышу, только бы ему разрешили полёт. Он страшно огорчился, когда ему разъяснили, что обстановкою в городе ещё не ясна, «вуалька» самим полёти и тяжёла до «подскока» на линию фронта с неизвестными условиями для посадки, одесский аэродром может быть повреждён или заминирован немцами.

— Хорошо, — сказала Волошин жалобно, — тогда дайте я их подброшу на вашем «У-2».

Но тут взбунтовались лётчики, оставшие на «У-2», и Волошин, сражённый горем, повернулся спиной к стартовой дорожке и замолел, не в силах глядеть на взлёт двух лёгких машин, поднявшихся в небесную синь, чтобы опустить нас в Одессу.

Вскоре мы увидели в сумерках море. Густой дым сталас над ним. Не белый, сплюснутый свет маяков, а зловещее багровое пламя пожаров металась в порту. Опоркиные палубы двух кораблей, затопленных немцами, кося поднимались из-под воды. Прямая линия моря отдавала тёмное, взрощенное волнами море от более светлой, спокойной воды в бухте

Одессы. Три года мы не видели моря, ёбан не считая малого моря — Азовского — у Таганрога.

Одесса!

Мы не верили своим глазам. Мы смотрели жадно, до боли в глазах, и, вероятно, от напряжения и сильного ветра глаза у нас были мокрые. Ведь ещё утром мы видели белый снег под Москвой, и вот под нами Чёрное море, гавань, узкие выступы пристаней, усаженные здания элеваторов и дальние планиральная геометрия одесских улиц и площадей, бульваров, приморских кварталов, увеличенных великолепной громадой Оперного театра.

Нанив два крошечных самолёта благодаря смелости и азартному любопытству пилотов, прорезав дымные заволаны, приземлились чуть ли не на улице соседних окраин, на Кривой балки. В пятидесяти метрах от места посадки мы увидели несообразный, переобработанного вида полевых механизм, таскающий из-под земли людей: женщины с грудными детьми, подростки, старухи, оборосших бородами мужчины — и тут же менши с провантом, ащики с домашним сервом, винтовки, ручные гранаты. Из балки, которую выносили в глубину в тридцать шесть метров, выскочила даже лохматая собачка. Вокруг ещё гремели последние взрывы, завошея пламя металось в кюбе над морем и городом, но на лицах людей, поднимавшихся буквально из преследующей, я видела восторг возвращенья к жизни. Тут были старые матросы, портовые грузчики, их жёны, грубоватые, сильные, с засученными рукавами, вышивавшие менши из балки и подгонившие своих мужей, которые не могли оторваться от зрелища любимой, наконец-то свободной Одессы. Так, с места в карьер, мы окупились в гущу удивительного, полуночного, страшного для наших миря одесских каткомб. Эти остатки старых каменоломни, лежащие глубоко под одесскими улицами, стали в дни оккупации убежищем для беглецов из немецкого рабства, для спасшихся жертв «интернуированных» лагерей, их жён и детей, для штабов тайного организованного сопротивления румынам и немцам.

Я видела в тот вечер только один из скрытых входов в подземелье, но их множество. А там, внизу, разветвляются, изредка, в пещеры, разветвляются коридоры и ходы, и там работали подпольные радиоприёмники, там копились оружие для борьбы с оккупантами, там обитала настоящая Одесса — самолюбивая, гордая, метельная, неуклюжая, не жалевшая прощити палачам. Оккупанты пытались объявить войну подземелью. Они устраивали облавы, накатывали вниз отравляющие газы, желя зрелище обитателей подземного лагерь, сохранявших и в дни оккупации волюшку, стойкую ярость одесской обороны 1941 года. Жителя каткомб, вытаскивая на пещерных телеа погибших товарищей, жён и детей, людей из опасных участков на новые, неизвестные румынским и немцам, недоступные, страшные своей запутанной сложностью, перелестным входов и выходов, тупиков и ловушек подземелья. Тот вход в каткомб, который мне удалось видеть, был примером спячку невзрачных досчатых сарайчиком. Другие массивнее, ровнее, так же хитро. Я видела, как изпод земли вытаскивался прованит, изгородный на три метра, вола в деревянные и металлические бочках, обледа, поддушки: жителя «преследующей» работы с собой под землю всё необходимое, чтобы проуществовать до прихода советских войск.

Так на берегу Чёрного моря существовали люди двух лет две Одессы. Одна — наверху, горькая, жалобная, кривая, кривая румынской «Трансильнии» — внизу, на глубине в тридцать шесть метров, непределающая, вооружённая, симпатичная до чучел вражеских часовых, ожащенная сигналами джх востояния в немецком тылу.

Таким сигналам стал для подземного лагера гул русских орудий на подступах к городу. Окупанты сразу отступились между двух огней. С востока, со стороны Алыш-буры, на них обрушилась лавина нашего наступления. Внутри, в самом городе, взрываясь из катакомб, в них стреляла пулючная, неуловимая, жаждущая возмездия непокорная Одесса.

По улице Вульфёного было немасло проехать на автомобиле: так густо была забита она брошенными немецкими машинами, грузовиками, транспортёрами, автомобилем штабных офицеров. На другом перекрёстке, где Хугорская улица поворачивает на Алексеевскую площадь, я увидел зрелище, которое никогда не забуду. В последнюю ночь бегства здесь пытались прорваться дивизия, в составе которой немцы колонна. Очевидно, как и везу, путь впереди оказался закрытым: его закуривали возникшие в панике пробки из стоканувшихся, сплывшихся в железный клубок немецких колонн. И я увидел, как колонну, движущую уже заворачивающуюся на площадь, змеящуюся вдоль другой, поперечной улицы, — и недвижимую, мёртвую, будто поражённую короткими ударами молнии. Вся колонна сожжена, её бросили и положили в последнюю минуту бравшие немцы. Но в районе Михайловской улицы, в центре города, передо мной бегали в панике многолюдные толпы захваченных сотен танков, машин, пятьдесят из них — с работающими, заводными моторами. И в первое утро в разных районах Одессы выдвигалась всё та же злобная свора одолевших, ошеломлённых в гнилом металле, мотором, колёсах, потрескавшая картина немецкой агонии.

Ещё не высохла типографская краска на валах, печатавших лживую берлинскую сводку о «разгроме большевистских соединений северной Одессы», как двинувшийся генерал Циттель порывался в черту города. Одесса вышла из катакомб и стреляла в отсутствующих немцев. Получающие немецкие чиновники и интенданты с воплями бежали за грузовиками, из которых устремили немецкие солдаты, падали, поднимались с разбитыми о мостовую физиономиями и снова вставали, но солдаты в грузовиках, не останавливаясь, неслись всё дальше и дальше.

На пути к Днистровскому лиману, куда отступала немецкая дивизия, есть городок высокий, обрывистый берег. Там стояли когда-то русские береговые батареи. К ним заворачивают рельсы подъездных путей. Сюда-то в конюшню страха и злобы немцы принесли железнодорожные эшелоны, для эвакуации которых времени уже не было. С края высокого берега они стлакивали поезда в бушующие волны, и там застыли теперь груды чёрного, изуродованного металла, изнеграющегося вниз с высоты.

Вот чем кончили немцы в Одессе. Их обросли в море.

И в тот день радио принесло в Одессу известие о начале штурма немцами войск Сиваша, о наступлении в Крым, о взятии Джанкоя — в радиоволнах летели навстречу друг другу сообщения о свободной Одессе, о воспринявшем Крым.

И Одесса смеялась, её народ ликовавал. Одеситы рассказывали о временах оккупации. Это был рассказ хитрый, насмешливый, саркастический. Среди наших городов Одесса всегда была городом-отраком. В её территории всегда было гасное, брызжущее вымором, зажатое всё было. Дым пожаров ещё стоял над городом, над гаванью, над разрушенными пристанями и затопленными кораблями, когда одеситы, провожая нас к центру города, смеясь, показывали на пеструю, размазанную, как на провинциальной ярмарке, вывеску румынского кафе «Виктория».

— Смотрите: вот всё, что осталось от румынской «Виктории». Теперь надо бы назвать это кафе «Конец Транснистрии».

На Дербасовской улице мне показали место, в высшей степени характерное для атмосферы «Транснистрии». В угловом месте примостился румынский «combi»-магазинчик для торговли случайными вещами, — а рядом настороженно чернел лунобёгитый амбулатория румынский доктор. Гулять не могут на торговать по торговали они в Одессе под защитой своих пулемётов... Они жили в Одессе в вечном страхе перед волнами народного гнева.

Одесса ненавидела окупантов. Румын одеситы называли «мастерами смывки и стирки». Издевались над «вашиными парком их офицеров, над их асошной игрой в аристократизм, над склонностью торговшей становиться в позу исканию равнодушных, невозмутимо споконных клячей и бор». В действительности «бор» в котлах и соломенных шилах бойко торговали всем, что попадало им под руку, — чужими вещами и даже личным оружием, занимались разбоем и грабёжом.

— Вы спрашиваете, откуда мы добывали оружие в катакомбах? — говорят одеситы. — Да у тех же румын. За деньги эти «бор» отдадут что угодно.

Охотнее всего румыны торговали мясными тушами — дурными азиями, малозорными проклятия «вашикой Транснистрии». Это была торговля воздухом, мечтания, надеждами, рассыпавшимися под ударами Красной Армии. На Кагаровицкой улице, которую румыны подобостроили переименовали в «улицу Адаола Гитлера», мне показали немаслою ярмарку, типично румынскую хвастливую вывеску: «Асоцие сопотевала «Taurida».

— Роскошное убежище для румынских десантников — смеялись одеситы. — Ничего, кроме вывески. А внутри сплошные десантники! Оказавшись, служба в Транснистрии изывала румын от воинской повинности. Из Бухареста в Одессу хлынули толпы мамонтиных сынков, ловчатей, жуликов с мясалистым баском в гавани, скрипачей и киммвожиров из бухарестских публичных домов. Все они занимали неопределённые должности в ещё более неопределённых учреждениях, имитовали себя «генеральными секретарями», а в действительности скрывались от военной службы и спекулировали несоусудившими планами процветания Транснистрии...

И вдруг, опереточная Транснистрия рассыпалась, разлетелась, теряя на бегу свои летучие перья. В дождях, в буранах, без денег, со свирядами на солдатских руках, Красная Армия пробивалась через лиманы к Одессе. 1 апреля немцы вышвырнули румынскую администрацию и взяли власть в свои руки. Они ещё не сделали отсрочить час разгрома и гибели. Они спешно вводили драконовские порядки, хватали и расстреливали людей в гавани, на улицах города, в подвалах домов, с трёх часов дня приказали запереть на ставни все окна домов, а ворота и двери, наоборот, держать настезь открытыми, — их страшная гневная, мстительная Одесса, стреляющая из окон и подворотен. Лавина русского наступления в несколько дней перехватила через лиманы, орудийным прибом шумела у моря, у самой Одессы.

Кончилось грандиозная румынская оперетта «Транснистрия». Свободная Одесса торжествует. Торжествует Чёрное море. На его берега вернулась жизнь.

С каждым днём восстанавливается хозяйство освобождённого города. Вспомогательная армия Красной Армии в союзе с местными охотниками — отрядами охотников — выполняет работу массовую.

Фото А. Гершмана

Юные Мстители

Фото Ю. Мельникова
Рисунки Г. Балаинова

Партизанка Л. Петрова
за самоотверженную рабо-
ту в тылу врага награж-
дена медалью «Партизану
Отечественной войны 1-й
степени».

Семидесятилетним юношей ушёл Владимир
Егоров в партизанский отряд. От пулемётчика
до Командира взвода — таков путь, пройден-
ный молодым патриотом. Его отряд истребил
около 2 тысяч немцев, разрушил 23 километра
линии связи, подорвал десятки вражеских ав-
томобилей. Отважно партизанскому командиру
присвоено звание Героя Советского Союза.

Виктору Гойнову 17 лет. Он
достаточно пережил много ва-
жных сражений в немецкой гарни-
зонах.

Оба они — 20-летняя Валентина И-
льинская и 19-летний участник много-
численных партизанских отрядов, И-
льинский, выжила с боями 100 км
Молодые патриоты смело в нахо-
де командиров.

города Ленина.

Все они комсомольцы. Бесстрашные, неуловимые народные мстители, они беззаветно служили своей родине, стали грозой для немецко-фашистских захватчиков.

Герой Советского Союза Иван Сергунин — один из организаторов партизанского отряда, начавшего боевую деятельность уже в первый месяц войны.

Партизан Владимир Матвеев в долине Сель, когда наступил полдень в первый немецкий рейд.

...и 13-лет. ...авский с не... ...мистери... ...ым партизан... ...выполняли

Отважная партизанская разведчица Марина Чернышова награждена орденом Красного знамени, Отечественной войны 1-й степени и двумя медалями.

Нина Зигера — бесстрашный командир отряда леукуш-партизан. На ее личном счету 25 убитых фашистов.

В Ростове-на-Дону воспитывались и начали работать ремесленники училища, средние и высшие учебные заведения. Старый мастер присваивает ремесленному ученику И. Тенденциеву вышивалки со своим учеником Владимиром Гофманом.

Студенты медицинского института на занятиях в одной из лабораторий.

На уроке в женском ремесленном училище, готовящем швейниц по раскладу.

Юные пианисты — братья Пашины — учащиеся музыкальной школы.

Фото А. Гаранина

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ

Юрий Иванов

У МЕНЯ БЫЛ ТОВАРИЩ...

У меня был товарищ,
только нету товарища ныне...
Он погиб, как герой,
пробиваясь на Люблинский шлях.
Он лежал на груди,
прижимаясь щекой к Украине,
Словно слушал, как силы
весенние бродят в полях.
Он оставил мне песню;
пелась в ней о червонои калитке,
Червонои дивчине,
и просторе днепровских полей.
Эту песню мы пели,
проходя по родной Украине,
Нам быда эта песня
всех штишев родней я милаей.
«Ой калитко, калитко,
чарилитко Галинка...»
Нежно плыла девчата
боевых запыльных коней.
Возвращённая к счастью
перед нами лежит Украина.
Если я упаду, подхвати эту песню о ней.

★

Вячеслав Колобов

В РОДНОМ КРАЮ

Здесь бой недавно отгремел
И укатился вдали лавиной.
Кругом чернеют груды тел,
Стоят разбитые машины.
Ещё земля дымит здесь,
И солнце утонуло в дыме,
Но птицей радостная весть
Летит тронниками лесными.
Сквозь бурелом из тайников
Идёт народ в свои селенья.
Всё немец предал разрушенью —
И взгляд колхозника суров...
В свои права вступает жизнь,
Весны неуловимы сроки,
Здесь золотые зёрна ржи
Из житниц достают глубоких.
Уже в разгаре сев. Река
Горбом броню свою вадует.
С любовью полевод в руках
Для пробы землю ратирает.
Густая, жирная земля —
И урожай на славу будет.
Свое зерно, свои поля,
Кругом свои, родные люди.

И. Фролов

ПАРЕНЬ С УССУРИ

Голодным всегда в покое
И в учбё боевой
Был у нас в пехотном взводе
Уссурийск молодой.

Поднимался жуть светало —
По тревоге, без тревог, —
По родной тайге немало
Им искошено дорог.

Он любил лесные тропки,
Уссурийский небосклон,
Сотня раз крутые сонки
«Штурмовал» со всех сторон.

Поржал мишенью метко,
Был сильнее всех штанком,
По ночам ходил в разведку
За условным язычком.

И носить мешок заплечный
Никогда не усталал,
Если ж долге путь, — сердечный
Только песни запевал.

Пел о том, как вост алыга,
Ветер клонит камыши...
Мы любили крепко друга,
По-солдатски, от души.

Только выпило так — ухалат
Драться с немцем паренёк,
О героизме славному его
Прилетело на досток.

Возле реки, на озелёте,
Нынче бьют его стоны:
О его гвардейской славе
Он безмолвно говорит.

Рис. Н. Кузьмина

Рис. Г. Валеева

Глава I

ПОСМЕРТНОЕ ПИСЬМО

О кино было открыто настужь, и в белой рмяе ожа сна, пронизанный соимем розовые промеды домов, золотые пу-екиenne главы церквей, нежноделная листва московских двориков.

Так было мирно и тихо за окном, что Андрей Андреевич сам удивлялся своему волнению и неожиданному задору.

— Уж очень беззаботно живёте вы, молодёжь: чего только и не видали в ваши годы — война, украинское подполье при немцах, голод, тиф... Нелеткая была моя жизнь в твои годы! Стрелная какают наша молодёжь; придёт тяжёлое время, — как она ещё себя покажет?

Последняя фраза относилась к молодому человеку в трусиках.

Молодой человек сосредоточено брясал, казался, идеалом был поглощён этим нехитрым делом. Рядом, на спинке стула, висела тщательно выутюженные брюки. Глубокая, изумрудного оттенка майка лежала на столе.

— Как живо помни Андрей Андреевич Хлебников этот разговор, и сына в сетке, и стигматизированные волосы, и стигматизированный солнцем и гулким шумом воскресного поляния.

Всё было вокруг, как тогда, в летний день, — и Москва за окном, и отдалённые звонки трамвая, и шелест шин по асфальту... И только не было Жени, единственного сына, и на столе лежала белая анкетка бумаги, в котором было сказано, что его больше нет и не будет.

Андрей Андреевич лёг на диван, потом встал и прошёл в маленькую комнату сна. Здесь ему стало так больно и грустно,

что он снова заплакала и, вытирая платком слёзы, долго гадая на запялённые ажлы, высывавшиеся из-за книжного шкафа, на книжки на полке и простой чёртежной стол. Он открыл ящик стола, вынул конторскую папку, на которой в углу синим карандашом было написано «Е. Хлебни-ков». Смутаясь немного, он развязал папку, увидя какие-то перерисованные записи, небрежно набросанные на какой-то ушниц и двора, несколько записанных на полях номеров телефонов и пожестнее запечатанное письмо.

Андрей Андреевич машинально прочёл адрес на конверте и фамилию адресата: «С. К. Соснова». Он вспоминал, что видел это письмо в руках у сына в день его отъезда на фронт и что сын даже просил у него почтовую марку. Марок не оказалось, и, должно быть, в суете он так и не отправил это письмо.

Может быть, следовало всё же отправить его теперь, когда Жени нет на свете? Андрей Андреевич положила письмо в карман и вышел из дому.

Купив в газетном киоске марку, и наклеив её на конверт, он пошёл было к почтовому ящику у трамвайной остановки и вдруг подумал: сын писал письмо почти два года назад, где может быть теперь, через два года, эта С. К. Соснова, живущая на Остоженке? Может быть, следовало оставить письмо в папке или все-таки вскрыть, прочесть и оставить у себя как память... А может быть, проще всего узнать, в Москве ли эта женщина. И, не торжась, Андрей Андреевич побрёл на Остоженку.

Он напрасно искал дом, который был указан на конверте, в переулке дома под этим номером не было — и вдруг Андрей Андреевич понял, что этого уже нет, что на его месте пустырь и на пустыре, вытнувшись во все длину, как бошарная рыба, лежит аэропорт воздушного заграждения.

Да, всё ясно. Адресата С. К. Соснова он не найдёт. Какие-то деревянные домики виднелись позади серебряной рыбы.

Высокая девушка с приглаженными белыми волосами и немного надменным лицом шла прямо на Андрей Андреевича.

— Простите, — сказал он, — уж не здесь ли вы живёте? — и он указал на ветхие фигаля.

Девушка кивнула головой.
— Вот какой у меня вопрос: не знаете ли вы, куда переехали жильцы дома номер восемь? Самого дома, как я вижу, не существует.

— Кто-то разматился во фигаля. А вым что нужно?

— Не знала ли вы случайно гражданку по фамилии Соснова?

Девушка с изумлением посмотрела на Андрей Андреевича:

— Соснова? Это я.

— Я должен, — сильно волнуясь, начал Андрей Андреевич, — я обязан передать вам письмо Евгения Андреевича Хлебникова.

Странный отблеск маленьку в глазах девушки — не то удивление, не то радость.

— Подавая слёзы, Андрей Андреевич заговорил:

— Письмо запоздало. Я никогда его случайно. Это письмо человека, которого уже нет на свете. Я отец погибшего Жени.

Девушка протянула руку за письмом. Рука, всящая конверт, дрожала.

— Вы... Вы его отец? — она спрашивала. — Подите, пойдите ко мне... Или нет, там люди... Здесь, за углом, в садике, — скамья.

Они обшари дом и вели на скамью.

— Простите меня, я прочту. Она вскрыла конверт. В письме не было даты. Вероятно, Жени торжались, когда писала.

Всего несколько строк:
«...сегодня уходит наш ошелом. Я хочу сказать, что очень люблю тебя, несмотря на частые наши ссоры. Если придётся свидеться, всё будет по-другому. Жалею, что никак не могу поздравить тебя в эти три недели. До свидания, родная, Твоя Е.»

— Когда он это писал?

— Почти два года назад.

И она молча думно подумала о Жени! Три недели он не приходил к ней и потом уехал. Это случилось после небольшой ссоры, и она решила, что Жени забывает. Как неверно она судила о нём! Андрей Андреевич понял, что переживала девушка. Он встал и простился. Она записала его адрес и телефон. «Да, его отцу, конечно, хуже чем мне», — думала Соня Соснова. Ей никуда не хотелось идти. И она вернулась в свою комнату в молчаливом фигаля.

Жени служил в парашютно-десантных войсках. Кто-то говорил ей, что он был ра-

Доню вперед блеснул ещё раз.

нон в начале войны. Это — всё, что Соня узнала о Хлебникове. Четырнадцать месяцев полного неведения, и вот теперь эта скорбная весть.

И то, что она узнала это сегодня, — тоже случайность. С ноября 1941 года, после эвакуации завода, она работала на Урале. Завод обнесовали в Зауралье, и её отпустили в Москву на две недели. Надо же было, чтобы на четвёртый день пребывания в Москве она получила это посмертное письмо...

Соня подошла к столу, достала из портфеля несколько любительских фотографий: она и Жени на водной станции; она, Жени и полурота Лёля на дачной веранде в Мамонтово... Двоих, снятых на этой фотографии, уже нет...

Соня адела и скоро забылась в тяжёлом полусне. Проснувшись она с чувством остро горя, и когда открыла глаза, за окном была ночь.

— Соснова? Это я.

Вдруг она услышала странный стук, задребезжало стекло, точно кто-то бросил в него камешек. Соня была затежена бумажной шторой, стук был глухой и слышался. Соня погасила свет и подняла штору. За окном были белесоватые, прозрачные сумерки московской летней ночи. Она взглянула на часы: несколько минут первого.

Осторожно, чтобы не разбудить соседки, Соня вышла в коридор, сняла тяжёлый крок с двери и спустилась по скрипящей лесенке по двор. Выход в небо через чертальчик авростра воздушного зоважания. У ворот стоял грузовой и вокруг, не торопясь, прохаживалась девушка-боец. Соня обогла флигель, но не увидела ни души. Пожилившись от предвоступленной прохлады, Соня решила вернуться домой. Она поглядела в окно своей комнаты. Нет, ей показалося, никто не потревожил её сна. И сразу на землю, под самым окном, Соня увидела небольшой осколок кирпича. Она сразу заметила его, потому что двор начисто вымеи по случаю воскресенья. Она подняла осколок и немолало подумала, что уже давно вышла из возраста, когда в каждом романтическом способом давали о себе знать друзья — мальчишки из 30-й школы, где она училась. Горько уабынувшись этим мыслям, она вернулась домой.

Глава II ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ

Нак всегда перед вылетом, лёгтики собирались у входа в столовую. Они были уже в комбинезонах, в шапках, в меховых чулках, с картами в папачетках. Им было невыносимо жарко, и галдя на обманчивых потом лёгтикиаю предположить, что через час эта тяжёлая одежда приделас как нельзя кстати: ведь на высоте шести тысяч метров двадцатиградусный мороз.

Ставим сosen отаивава медью, ночь обещала быть тихой, безветренной, безоблачной.

Девушки-зеничницы, девушки из столовой, спускавшие мешочки, собирались обычно у крыльца с колоннами. Это были некоторым образом символические проводы тех, кто улетал сегодня в ночь на боевую операцию. Никто не пощёбривал этих минут прощания, никто не говорил о том, что они, возможно, видят друг друга в последний раз. Молодые люди смеялись, разговаривали о самом обыкновенном и будничном, о концертe, который должен состояться завтра, в час дня, в клубе лёгчиков.

Аэродром расположился на большой поляне, кайма асса охватывава эту поляну, и у асса под маскотирующей сетью стояли четырёхмоторные, тяжёлые бомбардировщики, похожие на птиц, нахолившихся в ожидании дождя.

Они набирали торчиче из инстинга, другие впазно вздрагивали, сотрясаа землю оглушительным грохотом четырёх моторов.

Человек в ушаике посмотрел на часы и пошёл на другой конец поляны, туда, где стояли двухмоторные, средние бомбардировщики. Штурман шёл ему навстречу. Мимолетом он спросил:

— А не холодно вам будет, товарищ пассажир?

— Не думаю, — ответил пассажир, — я привык.

Уже темнело. Две красные ракеты поднялись над аэродромом. Струя ветра уагала в лицо пассажиру, его оаулила группа моторов. Пассажир лёгкостью поглядя на асенок в кабину самолёта. Оба лёгчика, штурман, стрелок-радист сидели уже на своих местах. В ту же минуту бомбардировщик собрался по полю, сразу оторвался от земли и набрал высоту.

Минут через десять самолёт уже оставил за собой Москву и взял курс на северозапад.

Ночь стояла над страной. Тёплая, звёздная августовская ночь. Самолёт летел на большой высоте, небо казалось чёрным, как уголь, звёзды искрились холодным, мерцанным светом драгоценных камней.

Пассажир нелет куртку в рукава и поглядял вниз. Там, точно в глубоком колодезе, тускло блеснула фольное асенок озеро. Голова штурмана почти дождла на чуть светящиеся пятне карты. Рука коснулась локтя пассажира и показала ему вправо — там, в непроглядном мраке, искрилась и поглядывала локтя огней.

— Чёртова! — проща по губам штурмана пассажир. Ослепительный белый луч вдруг возник позади, передернулся влево — точно молния блеснула в кабине. Это было всего одно мгновение, но много это казалось бесконечным. Самолёт пошёл вниз, луч погас, и самолёт попрехнем летел в чёрной бездне, среди мерцающих звёзд.

Пассажир опустил себя, перевалил бамбак к животу футляр мазуера и стал прилаживать парашютные лямки. Прошло ещё минут двадцать. С высоты в шесть тысяч метров самолёт пошёл на снижение.

Пассажир встал. Он молча галдя, как открывалась дверь. Он ждал сигнала. Рука штурмана поднималась и опускалась, ветер со страшной силой ударил в лицо парашютиста. Сначала он падал камнем, потом его сильно рвануло вверх — раскрылся парашют. Взяв в руки два из стропов, он потянул их к себе — и падение замедлилось. Гасно над ним ещё слышался монотонный удаляющийся гул моторов.

Штурман самолёта галдя вниз, ему казалось, что он видит куда парашюта.

Вокруг была мрак и тишина. Он почувал, что приземлился где-то на насыпи: пошри руками, он нашупал щебень и гравий. И тогда, растекая в парашюте, он застрял в лоджи на гасчо тяжёлый уагол, он пошла вдоль насыпи, пока впереди не захлеало болотной водой и тинной. Он прошёл ещё немного вперёд, и когда под ногами у него захлеало болото, сильно размыкнулся и бросил в темноту уагол. Пассажир вода, уагол камнем пошла на дно. Парашютист прислушался, раздвинул рукава кемпинга и вышел на сухое место. Несколько мгновений он стоял неподвижно, потом пошёл вдоль железной дороги. Так он шёл около получаса. Где-то впереди дважки блеснула белая тоненький уагол. Парашютист достал электрический фонарик и два раза нажал кнопку. Огонь впереди блеснул, ещё раз, и парашютист опять отступил, затем, не торопясь, пошёл в ту сторону, где через каждую минуту вспыхивала и погасала сигна.

Глава III

ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

На северозападе от Москвы, за линией фронта, в краю лесов, озёр и болот, больше года стояли немецкие гарнизоны — войска СС, окхраняа полиция и полая жандармерия. Нужно было много солдат, чтобы охранять железную дорогу, мосты, станционные сооружения. Станция «Пледец» в эту тяжёлую асенок ночь охраняла с особой бдительностью.

На запасном пути, в тинке, стоял пассажирский немецкий вагон, снаружи почти не отличающийся от других немецких пассажирских вагонов. Однако внутри он был отдален с той безукусной роскошью, на которую была мода перед войной в Германии. Газла стьялао сверкане никелевых асенок, отражённое в зеркалах жилищного сияния ламп. Стальные стрелки куды были расписаны под заостристый кавы. После августовской дождливой ночи, после непроглядной тьмы за стенами вагона два немецких офицера, вондичившие куды оставились, зажурири глаза: их ослепила электрический свет.

«Полковник Шнапек... «Группенфюрер фон Матчяй», — назвала они себя, и адыотант проводил их в просторное куче — кабинет хозяйина слон-звонга.

У письменного стола сидел немец сдрых ас как таким неприемным, обыкновен-

— Ни пуха, ни пера, — сказала штурман.

Прошло семь минут с тех пор, как пассажир выскочил из самолёта. Он падал и следла за светлящимися стрелками часов на руке. На восьмой минуте он лсно парашютист железнодрожную колею и темало, ксотор была прямо на него. Парашютист уагол боком, и отцепившись от парашюта, встал на ноги.

ним лицом, какое бывает у служаших бо- ро путешештий, чювоваков Дейтшобан- ца, прикатчиков универсального магазина Верхейна. Это было круглае, несколько одулатоватое лицо, с подстриженными во- лостистыми усами, босешеными, как бы вы- ливившимися газавми, стрижеными на дымча- ными сёксамшкыми пенсе. Он был одет в нарядную и мрачную форму оберштурман- банфюрера — генерала войск СС.

Он указал офицерам на маленького, тес- ный диванчик, и они уселись против него, неподвижные и бессознательные, пока он че- равствывала лежавшую перед ним тошуую вапку.

— Повидимому, этот человек не молда? — наконец сказал он.

— Пятдесят семь лет. Тридцать два го- да тайной службы немецкому государству.

Офицеры отвечали на вопросы пооче- реди, коротко и почтительно, каждый раз давая попытку приветств.

— Это хороший возраст, внушающий до- верие. Достаточно ли хорошо этот человек знает русский язык?

— Превосходно. Он родился в Остзей- ском крае, окончил русскую гимназию и русский политехнический институт. У не- го хорошие знакомства и связи.

— Состояние здоровья?

— Здоровье хорошее, хотя он пережи- л смятые потрясения. Болеет малярией.

— Я хочу его видеть.

И оберштурманбанфюрер встал. При первом его движении встретились с диванчи- ка офицеры. Затем все трое вышли из ва- гона. Они долго шли вдоль путей. Впереди, временами мигая, двигались, освещая ни путь, белые круги электротракторных фо- фар. А за собой, хожидные белые лучи освещали то мокрые рельсы, то разваленыя стационных зданий, то скарелты спореш- ных вагонов. Вокзал был полуразрушен. В одной из комнат уцелевшей частью здания, положил голову на стол, сив человек. Ке- росиновая лампа тускло освещала амысну в полукруге седоющих волос.

— Выдите, господа, — приказала оберштурманбанфюрер, — и пришлите мне Глаугау.

Офицеры вышли. Спящий проснулся и, мигая сонными глазами, смотрел на стояще- го перед ним человека в мокром, чёр- ном блестящем от потовов воды плаще.

— Встать и слушать меня!

Плащ распахнулся. Проснувшийся че- ловек вскочил со стула и, как загнишотизи- рованный, смотрел на трупное шитьё мушкетера, сверкающую змьль крестов, пиджачок, эмблем, украшавших грудь оберштурманбанфюрера.

— Вы должны ответить на три вопроса. Отвечайте только «да» или «нет». Чувствуете ли вы себя в силах служить, немощ- ным интересам так, как это мы потребуем от вас?

— Да.

— Отдадите ли вы вашу жизнь без про- медления, если это принесёт пользу не- мецкому делу?

— Да.

— Вручите ли вы вашу судьбу в руки людей, поставленных над вами, и будете ли вы слепо выполнять любые их приказан- ные там, где это будет необходимо?

— Да.

— Если вы измените немецкому делу, вас постигнет мушкетельная казнь. Если вы исполните ваш долг, мы окажем вам выс.

Он говорил эти слова в каком-то само- забвении, как заклинание.

— Сюда придёт человек по имени Гла- угау. Он поговорит с вами о деталях. Же- лает вам удачи. Прошайте...

(Продолжение следует)

Весна на фронте

Фотоэтиюд А. Соркина

Елизавета Тераховская

ВЕСНА 1944 ГОДА

Советские войска в селение вошли,
И люди слышат вновь язык родной земли.

Ещё поля в крови, ещё лежит в снегу
Лейтенант, убитый набугу.

Но через снег и кровь — у сироченьки руки —
Уже ползут на свет подснежника ростки.

Ещё нахмурен лоб седого старика —
Угнали немцы в плен любимого сына...

Но вместо одного, того, кто угнан в плен,
Десетки сыновей к нему пришли, взамен.

Ещё влажна щека, слеза течёт по ней.
И обнял он бойцов, как милых сыновей.

Ещё горят сады, заборы и дома,
Но над домами свист и плещут куतरья...

Луч солнца на штыке советского бойца.
И тает чёрный дым. И жизни нет конца.

*

М. Исаковский

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай.
И когда по деревне идёшь,
На окошко мой не поглядывай.

Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбилися карие.

Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончатся...

Вот вернётся он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.

Я примкну его к сердцу, примкну
Молодыми руками, горячими.
И скажу я в тот вечер ему,
Что самою судьбой предназначено.

А тебя об одном попрошу:
Понапрасну меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя пригласу,
А на большее ты не рассчитывай.

Е. Веселит

Тамешки и дурны Случай

Нравяному капитану Петрушенко в госпитале пришла гостья. В огромном, но восту халате девушка чувствовала себя явно неакомо среди чужих людей и робко уселась на краешек стула.

Обитатели палаты точно по команде повернулись спиной к Петрушенко: то ства читать, то спалаа вил, что засыпает. Девушка улыбалась и, зардевшись, смущенно прошептала:

— Так вот вы какой!

— А вы-то вот какой.

И оба громко расхохотались.

И они стали впоследствии беседовать, как старые добрые друзья, которые много времени не виделись.

Когда девушка ушла, в палате долго стояла тишина... Первым забрала из койки моряк-балетчи. Он не вытерпел и задал Петрушенко вопрос, который занимал одинаково всех:

— Это как поимать: просто знакомая или близкая родственница?

— А поимать, как хочешь! — ответила неадовоно Петрушенко, продолжая думать о чем-то своем.

— Ты, капитан, не сердись. Я тебя похорошему спрашиваю, потому что девушка симпатичная. Что — старая знакомая? — угадалась моряк.

— Да, старая... Только что первый раз в глаза увидела.

— Шутить изволите... Это как надо поимать?

— Ойги-таки поимать, как хочешь. А я не шучу и говорю тебе совершенно серьезно: я знаком с ней вот уже два года, а встретились только теперь. Ясно?

— Ничего не ясно.

— Эх ты, бабка! По переноске познакомились, Поминто?

И Петрушенко рассказала простую и обчную для наших дней историю, как в начале войны он потерял свою семью и как в ответ на письмо по радио отличился совершенно незнакомой девушкой — Зина Бякова, которая затем разыскала всех петрушенковскую родню.

— С тех пор мы с ней в постоянном контакте. А теперь получаю от моей матери письмо, что я лежу в госпитале, и пришла.

— Тебе, браток, прямо скажу, повезло... гаубкомиссионно закончила морю. — К тебе удачи с попутным ветром заетелета. По переноске познакомились — я в самую точку! А вот один мой приятель на такой переноске чуть на мее не сел.

... * * *
...так оно было. Перебрала я своим стариком по почте деньги. Короче, деньги куда-то запропасти. Я туда-сюда. И следов не найдешь. Затерялась, точно нголма в море.

И вгада меня такая злость, что не передать. Написала я в Москву, в редакцию. В ответ получаю сразу два письма: одно — из Наркомсвязи, что деньги вручены по назначению; другое письмо — в голубом конверте.

верте. Поверк незнакомый. Смотрю на письмо: «Киса». Что за Киса? Откуда Киса? Читайте. Оказывается, попалась этой Кисе газета с моей жалобой, и она решила утешить меня в беде.

Так и так, дорогой морюк, не принимайте потерю денег близко к сердцу. Не жалейте ста рублей, а займите сто друзей. Давайте познакомимся. Зовут меня Киса. Пригласите мне свой фото и вышлите про себя всех подробностей, чтоб я могла представить вас, как наяву. В следующий раз вышлю вам свою карточку.

Тут же адрес: Харитоньевский, 7, трест Гавделав, Клавдия Душиной. Читая и удивляясь. Звать Кисой, а писать Клавдия. Вот загадка! Если Киса — это же самое, что Клавдия, почему же Клавдия — плохо, а Киса — хорошо? Подума я, и так решила про себя: «А какое мне дело? Киса так Киса...»

На фронте всякой спрочке рад... не нам говорить, Ольга, конечно. Рождал в таком-то году, Завья Григорием Ивановичем. Блондин, же белобрысий, глаза серые, обыкновенные.

Скоро пришла от Кисы новая голубой конверт. На этот раз она заговорила так: «Бесу дело в руж. Писну писемко от сукки. Писемю мой, аети. К миаому скорее прилетит!» Как вам нравится? Не успела познакомиться, как я стал уже мыслить! Читая дальше. Двадцать с лишним лет зовут меня Григорием, Гришей, а тут, на тебе вдруг, стал Жоржем. И пишет Киса Жоржу, то есть мне: то, что я блондин, — это добро. Блондин в её вкусе. А какие девушки мне нравятся: блондинки как брианетки? Работает Киса чертёжницей-копиршищей (вот откуда, значит, голубые конверты — из старых чертёжей). По вечерам аккуратно посылает клуб лётчиков. «Должно быть, без отрыва от производства готовится в пилоты», — подумала я. — Это неплохо...»

Тут же в конверте являла я и фотокарточку. Физич — пушистая, востроносая. Глаза явно ползевые. Трудно только разобрать, что здесь больше поработало: фотограф или сама Киса. На обороте карточки полился. «Пусть эта славная копия явится мимет оригинала. Симпатява в прошлом году. Теперь у меня шестимесячный перманент».

Прочла письмо, посмотрела на карточку. Но Киса, в спешной ружу. Киса Жорж — перманент и... школа пилотажа? Женщина — не орех, сразу не раскусилась. Всё может быть!

Я человек вежливей. На письма отвечаю аккуратно. Во-первых, востановил вопрос: добром никакой и не Жорж, а Григорий, Гриша, если угодно. А во-вторых, и без перманента лицо у неё подползающее. Такие девушки мне как раз нравятся. И, понитно, зачем вообще, кем она собирается заниматься? Итурманом, лётчиком или, может быть, их там в клубе готовят на парашютистов.

Снова пришла голубой конверт, Киса стоит на своём. Я Жорж — и никак. Гриша, видите ли, это не музыкально. Что

касается клуба лётчиков, то я её не так понаю. В клуб она ходит исключительно на танцы. Вот тебе и парашютистка!

Читая дальше, и глаза лезут на лоб от удивления. «С тех пор, как мы с тобой познакомились», — пишет Киса, — и всё время о тебе. Ты (сразу на «ты»). Вот так сверхскоростные темпы! овладела моим сердцем. С тех пор, как на плоскость моего сердца ты опустила перпендикуляр любви, я не имею радиуса для описания окружности волнующих меня чувств». Вот заигнула, так заигнула! И тут же открыл: почему не пишу о своём звание, положении, сколько у меня приятелей, сколько звёзд на погонах?

Прочла и сплонула. Эх, денка! Видеть тебе нехвастов. Но к тому берегу правнись. Хотел я тут же отправить мою Кису за её геометрию по всем морским правилам, но тут началось у нас заварушка: десант, то да сё, меня тяжело ранено, отправляют в тыл, в госпиталь. Думаю уже, что отдам кошши.

Не до писем, не до Кисы было.

Но в госпитале я познакомился с одним танкистом. Молодышкой такой, но бывалый. Вся груда в орденях.

Дела у нас шли на поправку. Нам разрешалось совершить небольшие прогулки. Я забыла сказать, что госпиталь был в том самом городе, где жила Киса. Вспомнил я, понитно, про неё, и захотелось своими глазами посмотреть на этово перпендикулярном-перманентное явление.

Выпросто себе умышленительно и спрашиваю у ординатора, как лучше добраться до Харитоньевской. Слышит это мой сосед по палате и говорит:

— Как кетати? И мне на Харитоньевскую по делу нужно. Пойдём вместе.

Ладно. Пошли вместе. Идем меланюно, неторопливо. Болтаем о том, о сём.

— А вы куда на Харитоньевскую? — пооблбонтовала мой сосед.

— Дом номер семь.

— Вот совпадение! И мне как раз туда.

В Гавделав, что ли?

— Именно туда. Мне там одну Кису разыскать надо. Чуть-чуть роман не был. Да перпендикуляр поменяла.

Говорю и так и улыбаюсь. Но только я это сказала, как приятель дернул меня за рукав и устыдился на меня удивленно и зло:

— Это что значит? Кто дал право смеяться надо мной?

И я, конечно, не подогрелов и говорю:

— Никакой неаменьки нет. У меня и доказательство наявно. Действительно существует Киса, и действительно она пыталась опустить перпендикуляр на мой сердце.

Я вынимаю из кармана письмо в голубом конверте и читаю дословно про перпендикуляр, про радиус и прочую чепуху.

— Мой танкетт немыслен в лице.

— Ну, говори, нечего — гадить изпод подушки чужие письма.

Тогда наступают мое очередь удивляться:

— Как — чужие?

И суку мою в глаза голубой конверт, где точно указана моя фамилия.

Илья Эренбург о профессии писателя

В статье «Длинные ребёнка» Илья Эренбург говорит: «Одна писатель недавно спросил меня: как вы можете три года писать про одно и то же? Да, это трудно. Ещё труднее три года провоявать. История не была к нам милосердна. Но, скажу прямо, я не понимаю, как может человек теперь думать о другом. Ведь немцы ещё на нашей земле. Ведь немцы ещё терзают наших близких. Немцы — это не литературная тема, это — горе. Это железо в сердце каждого...»

Ненависть к немцам — писателем гор и зла — лейтмотив всех статей и памфлетов писателя. Илья Эренбург много времени жёстко работает. Каждый день он пишет не менее двух — трёх статей для центральных и фронтовых газет, зарубежных стран и радио. За время Отечественной войны вышла две книги его очерков «Война», сборник статей «За жизнь», а также сборник поэм «Свобода» и сборник «Страх» и др. Эти книги издаются за границей на многих языках. В оккупированных немцами странах они выходят нелегально.

Редкие часы, свободные от журналистской работы, Эренбург посвящает книге небольших рассказов, которая в скором времени будет закончена.

Писатель время от времени выезжает на фронт, но в те дни, когда он работает в Москве, тесно связан с фронтовиками, поддерживает личными встречами и перепиской. Наибольшее количество писем Илья Эренбург получает от фронтовиков. Они посылают писателю отклики на его статьи, описывают подвиги боевых друзей.

Как правило, один день в неделю Эренбург посвящает теле-

Илья Эренбург.
Дружеский шарж худ. Куркурныксы

там на письма своих читателей. В итоге одного из таких дней оказалось, что за день он написал 60 писем.

— Смысл работы писателя — журналиста в дни войны — говорит Илья Эренбург, — само собой понятен. В этой беседе я хочу поговорить о профессии писателя. У нас многие молодые люди стремятся к этой профессии, часто присылают мне свои произведения на отзыв.

В старое время, до революции, стать писателем было и трудно и невыгодно. В литературу тогда люди шли как на помин. Писателем становился только тот, кто имел привилегию. А у нас в этой профессии порой живут дёловой жизни и славы.

Начинающие писать обычно представляют себе всё очень просто. Писатель собирает материал,

елет кулаком, наблюдает, слушает, записывает, а потом возвращается, как из лесу с корзинкой грибов, отбирает, соединяет записное — и у него получается роман.

Человек, который не выстрадал того, что пишет, не заболел своим произведением, не пережил описываемого, не может стать писателем. Прежде чем написать «Войну и мир», Лев Толстой переехал войну как её участник. И когда он стоял у Батуми, он думал не о романе, а о навоеде.

Литература — тяжёлый труд. Описывая смерть своего героя, писатель переживает это так, как будто умирает сам. Всё, что не перечувствовано, не пережито автором, — это эрзац, плохой заместитель искусства, литература. У начинающих писать пережитого иногда хватает на две страницы,

— Ничего не понимаю, — говорит танкист и не на шутку бледнеет. — Давайте присядем на лавочку. И внесём ясность.

Присели. Танкист вынимает из бумажника связку писем. В голубых конвертах. Заполучил письмо с перендикуляром на месте: его никто и не собрался красть. — Что за наваждение!..

Самчас письма. Нет, писатели они не под копирку. Но писала их одна рука. Разница только в том, что мне Киса писала, что ей нравятся блондины, а танкисту, — что ей больше подходит брюшны...

— Всё мне теперь ясно, — сказала танкист. — Как же быть? Повернула обратно? — Зачем обратно? Именно теперь-то и нужно идти к Кисе в гости.

Мой план действий был принят безоговорочно.

В трест вошли мы вместе. Но вызвал Кису и разговоривла с ней первым танкист. И стоял в стороне, вроде как посторонний наблюдатель.

— Я Дужкина. Кто меня спрашивал? — Пришла с фронта. Захохот повидать. Тем больше переписывалась.

Киса покраснела, как спелая морковь: — А как вас зовут? — А вы догадываетесь. — Костя!

Танкист мотнул головой. Танкист выслушал. Вас зовут Жан, то есть Ваня.

— Нет, ошибаетесь. Ну, я вам подскажу. Вы мне писали, что я, мол, чёрнышкий и чёрнышкин в вашем вкусе.

— Киса неуважительно потопталась. — А вы меня не интригуйте. Не то я уду. Вы Сергей.

— Опять не угадали. А вы не сердитесь. Ну, кому вы писали вот это письмо? — И Киса, А что такое? — О том, что я опустил перендикуляр любви на плоскость вашего сердца? Вспомним?

— Дагадаеся. Вас зовут Аполлон.

— Как, вы и Аполлоном писали про перендикуляр? — А вы не придирайтесь. Это вас не касается.

Киса всерьёз заволаговалась. Тут вмешался я. Как ни я чём не буду, подхожу к Кисе и подчёркнуто громко спрашиваю:

— Мне Кису Дужкину как повидать? А Киса места себе не находит.

— Я Киса. А что такое? — С фронта приехал. Григорий Воалков. Припомните? Как говорится, «вы мне писали, не отпирайтесь».

И показываю письма в голубых конвертах.

а они уже считают себя писателями. Странное заблуждение предполагать, что писатель — это вроде универсальное писатель, который берётся описывать всё, — это не писатель.

Наша молодёжь часто не умеет выразить свою мысль. Её разговорная речь абсолютно готовыми штампованными формулами, да ещё словами-паразитами. Учиться коротко, ясно говорить и писать нужно начинать в школе. Гораздо труднее написать 50 строк, чем 150. Всякий творческий процесс — это процесс беспрерывного самообразования. Нужно чувство меры. Сколько бы раз я ни перечитывал написанное, — всегда находил, что можно сократить. Тем, кто хочет писать, советуем так излагать свои мысли, как это он делал бы в телеграмме, каждое слово которой оплачивается деньгами. Написав строки, молодые писатели должны приступать перед искусством и перед читателем.

Я читаю много рассказов и очерков молодых, и у меня нередко возникает вопрос: зачем они написаны, в чём их идея, что хотел сказать автор? Простая регистрация фактов не нужна, это дело поинты. Разговор о раннем роде меня привлекает, как будто оправдан муж и женой, которые встречаются ежедневно. Но если я успею видеть только раз в месяц, обоим придётся лишь представлять себе, что он встречается с читателем ожидания, а не ждёт с собой. Поэтому, что он хочет сказать, должно быть значительно и важно. Факты и события — лишь подтверждение, доказательство чего-то, открытого.

У нас мало говорят о привязии, а без привязии нет подлинного искусства.

— Ну, я Жорж. Узнаёте? То самое, что опустил перендикуляр любви на плоскость вашего сердца?

И всё это в присутствии танкиста. Танкист смотрит на меня, я на танкиста. А Киса готова была провалиться сквозь землю. От позора её могло спасти только извержение вулкана или воздушная тревога.

А так как я разговоривла чересчур громко, то придала внимание сотрудничавшему редактору космополта появились. Ну, и смеху было!

Вот вам и перендикулярный случай. А ведь чем чуть не шутит: обернись всё по-другому — и Киса, вырвавшая мишку, окрутила бы танкиста. И был бы он на меши...

...Палата внимательно слушала рассказ моряка. Когда он закончил, сосед слева спросил:

— И что же? С тех пор ты дал зарок или с кем не переписывался?

— За кого вы меня принимаете? Одна Киса на свете, что ли? Киса, конечно, есть. Но они единственные в своём роде. Ведь хорошие, мыши, привязаны и сорочечны дедушки у них не случаются! Может быть, мою дедушку и не будут звать Зиной, но, право, это дела не меняет...

Кроссворд

Составил А. Шлымов.

По горизонтали:

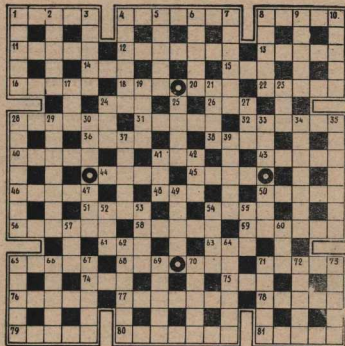
1. Лица сражения. 4. Смертельный стрелок. 8. Место лесотехнических соревнований. 10. Русско-турецкую войну 1877—1878 года на Балканах. 11. Иностранец, тула доарифов. 12. Продажа переработанного нефти. 13. Группы бойцов. 14. Горная страна в Южной Осетии. 15. Каша из рыбы. 16. Советский изобретатель. 18. Вещь, начальная в турции. 20. Перевозчик скота. 21. Швейцария. 22. Изобретатель русской трехлинейной винтовки. 24. Число. 26. Военнослужащий. 28. Часть ручного пулемета. 31. Порок

виство дикое. 32. Государство в древней Греции. 36. Река системы Амура, древнее название реки Аргунь. 38. Птица. 40. Шум. 41. Река в Индии. 43. Центральная территория. 44. Семейнохозяйственный орган. 45. Оборонительное сооружение. 48. Искусство выжигать человека. 49. Речной обитатель. 50. Принадлежность топонимного корня. 51. Черный камень. 54. Жир. 58. Холодное оружие испанца. 58. Сорб вещество. 59. Известный водоплавец. 61. Противоположное сооружение. 63. Длинное слово «искусство». 65. Горная местность. 68. Спортивный тер-

мин. 70. Река в Восточной Сибири, называемая также Байкал. 71. Началь спортивного соревнования. 74. Молодой продукт. 75. Островерхая вершина горы. 76. Вид вороньих оселев. 77. Имя известного мореплавателя, торговцам названа Америка. 78. Приспособление для лова животных. 79. Ветчина, палатка и парламентская мера зарубежного строя. 80. Отражающее вещество. 81. Контур рисунка.

По вертикали:

1. Финал бета. 2. Отражающая поверхность. 3. Один из современных приемов воздушного боя. 4. Известный философ древности. 5. Главные кровеносная артерия. 6. Религиозный праздник. 7. Построение войска при походе в Вури. 9. Сын царя Ирама, известный Троицкий герой. 10. Приток реки Лены. 17. Птица. 19. Крайний южный мыс Южной Америки. 21. Длинная ильинская река. 23. Река на Сахалине. 24. Приток реки Волги. 25. Представитель одного из народов Камчатки. 27. Птица высшего класса. 28. Охотничье оружие. 29. Известный русский адмирал. 30. Часть лица. 33. Бог у древних египтян. 34. Военнослужащий прибор. 35. Птица в США. 37. Музыкантская дилемма. 39. Река под Ленинградом. 41. Река и город в Бельгии, длинное название отражает название женщины. 42. Место ремонта судов. 47. Известный ученый-физиколог. 49. Слиток из водородоактивного. 60. Рыба. 62. Состояние воды. 63. Религиозная масса. 64. Оборудование промывочного цеха. 65. Длинный приток реки Шельды в Бельгии. 67. Порт на Охотском море. 68. Футбольный турнир. 69. Рамка. 69. Доселе. 67. Город в Тулассе. 69. Литературное произведение. 67. Человек, организовавший себя в личной жизни. 69. Журнал советской молодежи. 70. Империя. 71. У-бе. 72. Турецкий солдат. 73. Город в Северной Африке.

ФОТОЗАГАДКА

Угадайте,

ЧТО

ЭТО

такое?

ОТВЕТЫ К КРОССВОРДУ В № 6

По горизонтали:

1. Сатира. 4. Генстар. 7. Катер. 9. Кара. 10. Афон. 12. Кани. 13. Торг. 14. Витамин. 16. Овация. 18. Тендер. 20. Дар. 22. Бейброн. 23. Орочон. 24. От. 26. Бревно. 28. Велка. 32. Адвокат. 33. Крит. 35. Иран. 36. Марс. 38. Сюжет. 39. Анкада. 40. Араган.

По вертикали:

1. Стекло. 2. Иран. 3. Акатия. 4. Гранит. 6. Круг. 6. Ректор. 7. Тирад. 9. Кипа. 11. Норд. 14. Ветрина. 15. Недоход. 17. Выбор. 19. Юрда. 20. Дно. 21. Рот. 25. Сторож. 26. Велена. 27. Ефим. 28. Одесса. 29. Вальста. 30. Тира. 31. Ариадна. 34. Тара. 35. Игла.

В МОРЕ:

С. ВАСИЛЬЕВ — Зреластый, май! М. РАУД — Салют. П. ПАВЛЕНКО — Рассказы о подвиге. XII пленум Центрального комитета ВЛКСМ. С. ГОЛОВАНОВСКИЙ — Опаленный коневр. Евг. КРИГЕР — Черное море. Молодые поэты: Ю. ИВАНОВ — У меня был товарищ В. КОЛОБОВ — В родном краю. И. ФРОЛОВ — Парень с Уссури. Л. НИКУЛИН — Золотая звезда.

Е. ТАРАХОВСКАЯ — Весна 1944 года. М. ИСАКОВСКИЙ — Дымчатая песня. Е. ВЕСЕНИН — Переливающийся случай, Беседы с читателями. ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ о профессии писателя. Рисунки художников Г. БАЛАШОВА, Л. БРОДАТЫ, Г. ВАЛЬБКА, Н. КУЗЬМИНА, КУКРИНСКИХ. Обложка работы лауреата Сталинской премии художника Ираклия ТОНДЗЕ. На вкладыше: «БАЛТИЧСКИЙ ЛЕСАНТ» — картина художника В. СЕРОВА.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Прямая», 24. Формат 21 × 110 см. 2½ печ. л. Зар. в 1 руб. 98.000.

Тел. Д 3-34-24.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Неприятные рукописи не возвращаются.

Зар. 965. Тираж—30 000 экз. Изд. № 301. А5170. Подписано к печати 29/V—44 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Прямая», 24.

ОНИ ВЕРНУТСЯ В СТРОЙ

Черноморские побережья было советской здравницей. Немцы превратили его в арену жесточайших битв. Гитлеровцы разделили кавказские и крымские берега, предвкушая отдых в дворцах-сапаториях и на уютных пляжах.

Но отдыха не получилось. Советские войска изгнали немцев из предгорья Кавказа, вынудив их из Крыма.

Железа, поставившаяся на берегах Черного моря—советская жизнь. Возрождаются курорты. Многие из них уже работают — на этих курортах отдыхают бойцы и офицеры Красной Армии, запущенная природа дарит им свои блага, восстанавливает их силы и здоровье.

Для нескольких саниев, спавших в госпиталах и санаториях кавказских курортов.

Искусственное терное озанье дополнит естественное, весенние лучи которого еще не достаточно жарки (санитары, вперед).

Каждый раз, садясь за стол, равные бойцы и офицеры знают, что их ожидает какой-либо приятный сюрприз.

— Ну, что вам сегодня привнесла Надежда Поповична?— спрашивает боец Пришпилов — Пашеро, нечети.

— Нет, цветы были вчера, — отвечает боец Портиков, — сегодня будут фрукты.

Они оба ошиблись. Мессежера Надежда Поповична привнесла им сегодня и цветы и фрукты (санитары, вперед).

— В санитарном кабинете бойцу Колядинову только что выписали перевязку. Лечение дало отличные результаты, рана быстро заживает. Скоро боец Колядинов вернется в строй (санитары, вперед).

— И озон, на холмах лечебного корпуса к услугам выдохривающихся бойцев: их шапачты и другие игры (санитары, вперед).

Каждый день вылучившиеся советские воины выисываются из санаториев. На синие вилки, сырдык—приволье таураишес, аном, уславивших в Действующую армию.

В СЕЖИЙ БЛИЦ-МАСКАРАД

